

18+

Владимир
Ковтонюк

повесть
СВЯТАЯ
ВОДА
и рассказы

Владимир Ковтонюк

Святая вода. повесть и рассказы

«Издательские решения»

Ковтонюк В.

Святая вода. повесть и рассказы / В. Ковтонюк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745697-9

Повесть «Святая вода» — о людях с разными судьбами, которых воля случая ведёт на Волгу, туда, где неммым укором из воды в небо уходит колокольня Никольского собора. Пилоты вертолёта с риском для собственной жизни бросаются спасти мальчишку, провалившегося под лёд. В то время, как полсотни рыбаков сидят, уткнувшись в лунки...

ISBN 978-5-44-745697-9

© Ковтонюк В.
© Издательские решения

Содержание

Святая вода	6
Анпилов	9
Ракитский	12
Коннов	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Святая вода

повесть и рассказы

Владимир Ковтонюк

© Владимир Ковтонюк, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь познакомила меня со многими выдающимися людьми – талантливыми конструкторами, инженерами и учёными, отважными пилотами, самоотверженными испытателями ракет и самолётов. Повесть «Святая вода» – о людях с разными судьбами, которых воля случая ведёт на Волгу, туда, где немым укором из воды в небо уходит колокольня Никольского собора. Пилоты вертолёта с риском для собственной жизни бросаются спасать мальчишку, провалившегося под лёд. В то время, как полсотни рыбаков сидят, уткнувшись в лунки, всем своим видом показывая, что не слышат треска ломающегося льда и отчаянного крика мальчишки, заглянувшего в лицо смерти. А ведь среди рыбаков есть и такие, кто до недавнего времени вершил судьбы людей...

Владимир Александрович Ковтонюк

Святая вода

– Сергей, скажи техникам, пусть поставят дополнительные топливные баки на задние кресла. Чтоб заправили и подключили шланги. Только проверь правильность установки. Коннов мужик решительный. Вот, лёгок на помине! – Ракитский включил мобильный телефон и отошёл от вертолёт.

– Дмитрий Александрович, с комсомольским приветом! – сказал мобильный телефон голосом Коннова. – Ты уже на аэродроме? Как вы там, готовы? Мы вас ждём! Только заправьтесь под завязку, может, погода наладится, летаем.

– Мы-то на аэродроме, – вспомнил Ракитский тот непростой путь, что пришлось ему проделать сегодня ранним утром на автомобиле от Бронниц до Истры. – Но погода очень плохая, – Ракитский взглянул на тёмно-синие плотные облака, стелившиеся над самой землёю, из которых атлантический циклон временами то сеял влажный снег, то поливал мелким, всепроникающим дождём. Такие дожди бывают только глубокой осенью, а тут – тринадцатого января.

Если бы предполагался полёт на самолёте, то Ракитский однозначно отменил бы его. А на вертолёте...

Ракитский колебался. Конечно, всё, что зависело от него, он уже сделал. Он так привык – если много вопросов, он решал те, чьи решения были в его силах.

Так и теперь – он приехал на аэродром, вертолёт подготовлен к полёту. Приехал на аэродром и молодой лётчик, Сергей Анпилов, которого Ракитский вводил на вертолёте Робинсон-44, и которого сегодня ожидала лётная практика.

Но погода... Погода находилась в распоряжении тех сил, на которые невозможно повлиять и, как все пилоты, Ракитский готов был включить некий внутренний режим ожидания.

– Может, перенесём? – предложил он неуверенно Коннову.

Но Коннов напористо настаивал:

– Дима, в твоей неуверенности нет логики. Во-первых, ты уже приехал на аэродром, во-вторых, ты летишь не на самолёте, а на вертолёте. И что? Всё это напрасно? Вы попробуйте низенько! Пока вы сюда долетите, она точно улучшится! Вот посмотришь. К тому же, у меня сегодня есть время потренироваться, и когда ещё будет такая возможность, не могу даже предположить.

– Хорошо, – сдался Ракитский. – Минут через пятнадцать вылетаем. – Ну что, Сергей, – обратился Ракитский к Анпилову. – Садись, наверное, справа. Будем двигаться.

Так, утром 13 января 2007 года, едва забрезжил рассвет, пилот-инструктор Дмитрий Александрович Ракитский и Сергей Борисович Анпилов сняли куртки и бросили их на задние кресла, прямо поверх дополнительных топливных баков, заняли места пилотов в кабине вертолёт Робинсон-44, запустили и прогрели мотор. Ракитский, пощёлкав клавишами, ввёл в навигатор, закреплённый на его левом бедре, координаты площадки «Сорочаны».

Анпилов запросил своего руководителя полётами разрешения на взлет. Получив его, Анпилов под контролем Ракитского установил требуемые обороты несущего винта и движением ручки шаг-газа поднял вертолёт в воздух.

– Взлетает всё увереннее, – мысленно похвалил Анпилова Ракитский. – Ещё недавно раскачивал вертолёт, как это бывает в системах управления без обратной связи. Вертолёт болтался из стороны в сторону, как прокурор в проруби. – Докладывай диспетчеру Шереметьево, – подсказал он Сергею.

– «Шереметьево-подход», борт ноль четыре триста... взлетел с площадки «Крючково» в девять ноль, ноль; высота двести метров, курс ..., площадка «Сорочаны»

– Ноль четыре триста..., – ответил диспетчер, – сообщение принял, доложите прохождение Зеленограда. В районе Зеленограда высота не более двухсот.

Ракитский и Анпилов переглянулись. В самом деле, о каких двухстах метрах может идти речь, если лыжи «Робинсона» едва не сшибают шишки с елей, в то время, как нависшее небо создаёт ощущение, будто вот-вот ударишься головой о потолок.

Но они понимали, что диспетчер аэропорта Шереметьево подстраховывается: над Зеленоградом и Сходней – глиссада самолётов, идущих на посадку. Поэтому, указание диспетчера комментировать не стали, Сергей нажал кнопку радиостанции и коротко произнёс:

– Вас понял.

– Зима в этом году какая-то шальная, – сказал Ракитский. – Температура ноль градусов, и это тринадцатого января.

– Такие зимы в народе называют почему-то «сиротскими», – согласился Сергей.

– Правда, что ли, глобальное потепление наступает так стремительно, или на этом греют руки шарлатаны? Так же, как на вредных выхлопах из автомобилей. Одной рукой шустрые ребята устанавливают на выхлопные трубы дорогостоящие катализаторы, а другой – вырубает леса рядом с Амазонкой. А ведь эти леса как раз и вырабатывают основную массу кислорода.

Внизу проплывала едва прикрытая снегом земля, прозрачные, чёрные перелески казались беспомощными без листвы и невольно открывали тайны выживающего в них зверья.

Вот в небольшом буреломе стоят три лося. Услышав звук подлетающего вертолёт, лоси бегут в сторону плотного леса.

– Говорят, будто они каким-то образом чувствуют характер земной поверхности под снегом. Разные там кочки, ямы. Они и ещё лошади, – произнёс Сергей.

– Да, удивительно, – согласился Ракитский. И тут же добавил: – А там, видишь, блюстители законности выехали на охоту. На служебном автомобиле.

– Хорошо, что лоси убежали в другую сторону, – сказал Сергей. – Надо быть совершенно безжалостным человеком, чтобы убивать таких животных, как лоси. Ладно, там, где-то в тайге, а тут всего лишь тридцать километров от Москвы, и губить такую красоту! Не понимаю!

На лесной просеке в нескольких километрах от кольцевой дороги действительно стоял автомобиль с милицейской символикой и синим фонарём на крыше. На нетронутым снегу лесной просеки отпечатались единственная колея. Рядом с машиной группа вооружённых людей настроенно наблюдают за вертолёт.

– Напряглись блюстители законности. Даже на расстоянии видно, с какой опаской они наблюдают за нами. Не знают, чего можно ожидать от вертолёт. Вдруг, это милицейское начальство летит.

По дорогам, волоча за собою облака разбитой в пыль жидкой грязи, спешили ранние автомобили.

– Шереметьево – подход, борт ноль четыре триста... Прошли Зеленоград, связь с точкой имею, – отпустил Сергей кнопку передатчика.

По сравнению с ездой по дороге с бесконечными обгонами, постоянно заливаемым просоленной грязью лобовым стеклом, наглой дурью обгоняющих или едва плетущихся водителей, полет на вертолете представлялся настоящим отдыхом. Конечно, было бы намного приятнее, если бы в лобовое панорамное остекление неслась голубая и зеленая даль, а не так, как теперь – свинцово-черное до самой земли небо.

– Дмитрий Александрович, а как вы относитесь к тринадцатым числам? – нарушил паузу в разговоре Сергей.

Ракитский взглянул на него:

– Да никак. Совершенно спокойно отношусь. Как к тринадцатым числам, так и к понедельникам, и к чёрным пятницам. Если остерегаться всех этих суеверий, то и летать будет некогда. Особенно это касается гражданской авиации. Там у них расписание полётов, и его надо соблюдать без оглядки на народные поверья. А почему ты вдруг спросил?

– Только лишь потому, что сегодня тринадцатое января, – спокойно ответил Сергей.

– Вообще-то, по тринадцатым числам действительно много ярких событий происходит, – задумчиво, словно что-то вспоминая, сказал Ракитский. – Может, действительно, тринадцатое число не совсем удобное для полетов. Ребята рассказывали, как в девяностом первом году они летали на Як-18Т в Борках. Помнишь, это где Савёлово. Этот самолёт называют ещё «тэшкой». Тогда почти такая же погода была, только чуть-чуть холоднее. А сторож, бывший летчик, воевавший в Отечественную войну на штурмовике, все просился полетать. Посадили его рядом с инструктором, причём, слева, дали поуправлять. Когда этот матерый воздушный волк, держась за «рога» штурвала, летел над черной незамёрзшей Волгой, все, кто сидел в самолёте, видели, как из его правого глаза катилась слеза.

Немного позже, в крайнем полёте, инструктору пришлось садиться в сумерках на припорошенный снегом аэродром, и он в рассеянном свете не смог точно определить высоту выравнивания и разложил самолет. И тогда, глядя на деформированный центроплан, через обшивку которого проскочили головки заклепок, старый пилот, только что от восторга перед полетом ронявший скупую мужскую слезу, вспомнил летные традиции боевой молодости и с укорижной произнес:

– Ну, кто же сегодня летает? Понедельник, тринадцатое число, Новый год...

Для выдерживания высоты и направления полета Анпилов уверенно слегка придерживал ручку управления большим и указательным пальцами. На вертолете «Робинсон» отсутствуют загрузочные пружинные механизмы, сопровождавшие авиацию во времена перехода на управление с бустерными системами (с гидроусилителями). Для управления вертолетом «Робинсон» от пилота требуется усилие только для перемещения золотника в гидросистеме, а дальше система управления сама установит автомат перекоса в положение, заданное пилотом.

– В таких случаях сразу же возникает мысль: не дай Бог, чтобы нечто подобное произошло со мною. И всё-таки, со мною произошёл случай тринадцатого числа, только не января, а в июне, – вспомнил Анпилов. – Я тогда учился в Калужском лётно-техническом училище...

Анпилов

Вообще-то, сказать «учился» можно только с большой натяжкой. Училище принадлежало Добровольному спортивному обществу содействия армии, авиации и флоту. Сокращённо, ДОСААФ. Как только Советский Союз распался, собирать по всей стране добровольные взносы по двадцать копеек чуть ли не с каждого жителя страны перестали, тут и прекратилось финансирование училища. Теории курсантов ещё как-то обучали на энтузиазме преподавателей, а летную практику можно было получить только за свой счёт. Есть у курсанта деньги, пожалуйста, плати, и летай на Як – пятьдесят втором. Но курсантов, у которых богатенькие родители, в училище нашлось два – три человека, и в их число Анпилов явно не попадал. А летать ему очень хотелось.

Вот и сколотили курсанты группу желающих летать на парaparane, скинулись и приобрели аппарат и лебёдку. Нашли полянку недалеко от города. Там вдоль дороги, ведущей из Калуги в Козельск, почти всегда дует ветерок в нужном направлении.

В тот день ветерок дул приличный, но ровный, без особых порывов. Анпилов, как это бывает перед стартом на парaparane, разложил купол полумесяцем нижней поверхностью крыла вверх, расправил на травке пучки строп и выбрал их слабинку, всунул ладони в петли клевантов, рывком оторвал и наполнил купол. Включилась лебёдка, и Анпилов, сделав пару-тройку шагов по матушке – земле, поднялся в воздух. Набрал высоту и почувствовав, что тяга лебёдки ослабевает, потому что буксировочный фал приближался к вертикали, Анпилов отцепился. Но едва только он начал разворот, резкий неожиданный порыв ветра или какая-то местная турбулентность заставили правую консоль затрепетать, будто это был флаг, а не парaparane, и сложиться вниз.

Так бывает, когда неожиданно проходит атмосферный фронт. Анпилов наблюдал однажды, как на аэродроме Алферьево Ан-2 работал на выброску

Сергей Анпилов, теперь опытный пилот вертолётa «Агуста»

парашютистов. Парашютисты, покинувшие самолёт во время первых трёх заходов, приземлились на аэродром.

Самолёт развернулся, и опытный пилот по наземным ориентиром точно выполнил четвёртый заход.

Но едва над крайней четвёркой перворазников – парашютистов открылись купола, резко посвежевший ветер погнал их, как семена одуванчиков, горизонтально. Посланный вдогонку самолёт сообщил по радио, что они благополучно перелетели высоковольтную линию электропередачи, проходившую в восьми километрах от аэродрома, и приземлились на берегу большого пруда.

Так случилось и с Анпиловым. Подъёмная сила парашюта упала, и он посыпался вниз. Как ни пытался он клевантами вывести парашюта в нормальный режим и наполнить купол, но у него так ничего не получилось за те три-четыре секунды, что были отведены ему физикой явлений.

Но зато включилась непредвиденная цепь случайностей. Анпилов мог упасть на дорогу или налететь на провода линии электропередачи. Но посвежевший ветер пронёс его над ними. А дальше, за небольшой придорожной поляной его поджидала берёзовая роща. Он упал на вершину одной из русских красавиц, и её крона замедлила падение. С треском ломая ветки, Анпилов, крепко ударившись, вернулся в объятия земли-матушки. Он ничего не сломал, хотя несколько месяцев не мог даже дышать нормально. Так болело всё тело. Думал, что летать больше не придётся. Но ничего, пронесло...

* * *

– А вместо удостоверения пилотов ДОСААФ нам выдали корочки технарей. Летать на самолётах или вертолётaх мы так и не научились. Хорошо, Вас вот встретил. И теперь занимаюсь любимым делом, – Анпилов благодарно взглянул на Ракитского.

– Удивительно, – сказал Ракитский, – ты вот заострил внимание на тринадцатом числе, и мне тоже вспомнились два случая. И оба произошли тринадцатого числа, только месяцы и годы разные. Мы жили тогда в городе Дубне, и я был учеником второго класса в школе номер восемь. А школа стояла на берегу Волги...

Ракитский

Если захочется узнать, какой в этом году ожидается весна, ранней или поздней, загляни в церковный календарь. Лучше всего предсказывает предстоящую весну праздник Пасхи. Если Пасха в начале апреля, то и весна, скорее всего, будет ранней, а Пасха в конце апреля или в начале мая – жди позднюю или затянувшуюся весну.

Создавалось такое ощущение, будто весенний воздух где-то тайно накапливает тепло, чтобы в какой-то день вдруг взять, да и выплеснуть его в окружающий мир. И тогда там, где ещё вчера свирепствовал мороз, а на берёзах, словно в раздумье, сидели нахохлившиеся и молчаливые вороны, принимался бурно таять снег. Вокруг стволов деревьев образовались лунки, говорящие о том, что деревья оживают после зимней стужи и в них началось движение сока.

– Дим, побежали на Волгу, посмотрим, как лёд начинает трогаться. На льдинах заодно покатаемся, – предложил Ракитскому свистящим шёпотом сосед по парте Васька.

– А сейчас какая будет перемена, большая? – уточнил Димка.

– Да, большая. Целых пятнадцать минут.

Они выбежали из класса, едва прозвенел звонок, и что было духу, застоявшегося за урок, и требовавшего движения и бега, помчались по коридору к лестнице. Коридор ещё не успел заполниться другими учениками, бежать можно не опасаясь, что кто-то из старшеклассников, будто невзначай, даст подножку.

Дмитрий Александрович Ракитский

Васька с разбега запрыгнул на перила и, пока Димка на бегу пересчитывал ступеньки, первым оказался на первом этаже. Первенство стоило ему нескольких пуговиц, отлетевших от куртки во время скоростного скольжения. Пуговицы разлетелись по полу первого этажа,

и теперь Васька вынуждено терял время, разыскивая их. А найти их нужно обязательно, иначе вечером неминуемо последуют репрессии со стороны родителей.

Димка увидел пуговицу, далеко откатившуюся от лестницы, подобрал её и, вручая её Ваське, поторопил:

– Побежали, а то ты будешь всю перемену искать!

– Меня же вечером родители поколотят! – уверенно предсказал Васька, и по выражению его глаз чувствовалось, что лучше сейчас, теряя драгоценное время, ползать в поисках остальных пуговиц, чем вечером стоять в углу на коленях.

– Побежали, – повторил Димка. – На обратном пути поищем.

Такое обещание заставило Ваську забыть о пуговицах. Они выбежали из школы, пересекли двор и оказались на берегу реки. Отсюда, словно со смотровой площадки, можно было наблюдать, как на их глазах разворачивается величественное зрелище.

По реке, ещё вчера представлявшей ровную, заснеженную пустыню, медленно и величественно плыли льдины. Постепенно внимание детей переключилось на отдельные детали. Они обратили внимание на то, как некоторые льдины почему-то двигались быстрее, бились друг о друга, издавая приглушённые, но мощные звуки, и тогда по ним ползли замысловатые извилистые трещины.

– Там что-то валяется, – показал рукой Васька. – Наверное, водой прибило к берегу. Побежали, поглядим, что там.

– Похоже, это мёртвый человек. Наверное, утопленник, – предположил Димка, когда они подошли поближе.

Льдины, плывшие у берега, приостанавливались, оперевшись в голову мертвеца, медленно толкая тело по течению. Одежда несчастного слегка пошевеливалась прибрежной волной.

– Да, – подтвердил Васька. – Кажется, это тётенька!

– Надо вызвать скорую помощь!

– Да ну её! – ответил Васька. – Это надо к директору в кабинет идти.

Васька знал наверняка, что в их школе телефон только один. И находится он в кабинете директора. Но кабинет директора в сознании Васьки ассоциировался с местом расправы над безвинными, на его взгляд, школярами после того, как кто-нибудь из них излишне сильно дернет одноклассницу за косичку и та вдруг распустит нюни. Или даст крепкий подзатыльник сидящему впереди товарищу за то, что тот прикрывает телом результаты очередной контрольной, не позволяя их «сдуть».

Весь пока ещё не очень богатый опыт обучения в школе советовал Ваське держаться как можно дальше от двери в кабинет директора.

Поэтому Васька сказал, словно оправдываясь:

– Да она давно умерла. Ты же сам видел!

– А я побегу, скажу! – решил Димка. – А вдруг врачу удастся её оживить.

Как только они остановились, переводя дух, у входа в кабинет директора, о чём и свидетельствовала табличка на двери, выполненная на стекле: «Директор Жохов Михаил Сергеевич», раздался звонок на урок.

– Я пошёл в класс, – облегчённо заявил Васька, обрадованный тем, что у него появился веский аргумент, оправдывающий возможность не посещать кабинет директора. Теперь никто не посмеет обвинить его в трусости.

– Я тебе уйду! Только попробуй! – в голосе Димки отчётливо прозвучала угроза, и это заставило Ваську остаться.

Димка решительно приоткрыл дверь в кабинет директора.

– Чего тебе, мальчик? – спросил директор. – Видишь, у меня посетитель. Зайди позже!

Директор действительно беседовал с незнакомой дамой.

– Наверное, чью-то родительницу вызвал. Значит, вечером опять кого-то ждёт порка, – с сочувствием сказал Васька.

Димка хотел было прикрыть дверь, но тут же почувствовал, что всё его существо запротестовало против такого решения. Он должен, просто обязан, несмотря на занятость директора, скорее сообщить ему об утопленнице. Директор – участник Великой Отечественной войны, значит, человек, привыкший к решительным и точным действиям.

Директор, как опытный педагог, в свою очередь, тоже заметил, что ребята чем-то сильно взволнованы. Заглянуть в кабинет директора просто так ученика не заставишь. А тут мальчишки сами, добровольно!

– Извините, – обратился Жохов к посетительнице. – Что-то, видимо, серьёзное. Говори, мальчик. Ты из какого класса?

– Я Дима Ракитский, а это Вася. Мы оба из второго «б». Мы на этой перемене бегали на Волгу. Посмотреть ледоход. А там у самого берега в воде лежит мёртвая тётя.

– Она, наверное, утонула, – внезапно осмелел Васька. – Лежит лицом в воде. А льдины толкают её.

– Вы, дети, ничего не перепутали? – строго спросил директор.

– Нет! Нет! – ещё больше разволновались ребята.

Директор взял телефонную трубку, вставил палец в отверстие, соответствующее цифре «0» на телефонном диске.

– Как же долго набирается номер, – шепнул Димка Ваське.

– Скорая? Это директор школы номер восемь. На нашей территории прибило к берегу женщину. Вероятно, утопленницу. Да, ждём! Да, ни вытаскивать из воды, ни переворачивать не будем. Прослежу лично.

– Извините, придётся перенести нашу беседу на другое время. Давайте, созвонимся, – сказал директор посетительнице и обратился к ребятам:

– Ведите, показывайте!

Они едва успели выйти во двор, а в школьные ворота уже въезжал микроавтобус РАФ скорой помощи. Водитель «рафика» помигал фарами, и этот сигнал директор воспринял, как предложение не терять время ни на остановку машины, ни на разговоры и объяснения, к какому месту на берегу следует подъехать:

– Давайте, ребятки, показывайте, куда ему подъехать!

И они пустились бежать впереди машины.

«Рафик» развернулся у самой реки и задним ходом подъехал к крутому глинистому берегу. Молодой врач в ослепительно белом халате, знакомясь, протянул руку директору школы:

– Леонид Борисович.

Вынимая носилки, шофёр открыл задние створки, и дети удивились тому, как оснащен автомобиль различными медицинскими приборами и аппаратурой.

– Смотри-ка, сколько там разных банок и склянок! – удивился Васька.

Врач с небольшим металлическим контейнером в руке и директор школы спустились к воде. Врач бросил клеёнку на узкую влажную песчаную полосу, разделявшую воду и крутой берег:

– Давайте, Михаил Сергеевич, помогайте, вспоминайте годы лихолетья. Вы человек старой закалки, видели, наверное, кое-что и пострашнее этого. Переложим её на клеёнку лицом вверх.

Мальчишки, позабыв об уроках, одновременно и зачарованно, и перепугано наблюдали за действиями врача и директора.

Врач первым делом, скрестив ладони, резко, что было силы, несколько раз нажал на левую сторону груди утопленницы.

– Там же у неё сиська, – осведомлённо ахнул Васька. – Он же раздавит её.

– Наверное, так надо. Чтобы сердце у неё начало биться, – предположил Димка.

После первых нажатий, врач накинуд на лицо утопленницы салфетку и своими губами прильнул к её рту.

Васька и Ракитский невольно отвернулись, представив, а вдруг это им пришлось бы своими губами прикоснуться к синим губам покойницы. Слюна в их ртах стала вдруг солёной, и они непроизвольно начали икать.

Врач долго и упорно делал искусственное дыхание и пытался запустить сердце. Так долго, что мальчишки, выбежавшие на улицу без курточек во время перемены, начали замерзать, несмотря на весеннее солнце.

Врач уставал, и тогда за работу принимался директор.

Наконец, врач сказал:

– Ну, всё, пока достаточно. Кладём на носилки.

Получилось так, что директор первым поднёс носилки к микроавтобусу и принялся, не задумываясь, загружать, их в машину.

– Нет, нет, – поправил его врач. – Ногами вперёд пока рановато. Поворачиваем носилки головой вперёд. Пока ещё есть надежда.

Димка и Васька переглянулись. Им показалось, что врач произнёс эту фразу повеселевшим голосом.

– Наверное, оживает, – решил Ракитский. – я же говорил тебе, что надо скорую вызвать. А ты – «она умела, она умерла».

А врач, повернувшись к мальчишкам, сказал:

– Спасибо, ребята. Вы помогли спасти человека.

Пока шофёр закрывал створки задней двери, дети видели, как врач возится с аппаратурой, держа в руках какие-то шланги.

– Кислород подключает, – со знанием дела сказал Васька.

– А теперь, ребятки, быстренько на урок! Вы молодцы, – растроганно произнёс директор.

Ваську словно подменили. Обычно, едва в конце последнего урока прозвучит звонок, Васька хватал сумку и стремглав удирал из класса. А теперь он подошёл к Ракитскому:

– Слушай, Дим! Давай сходим к директору. Попросим его позвонить врачу. Интересно, удалось ли оживить ту женщину, или нет.

– Пошли. Мне тоже интересно узнать об этом.

На этот раз кабинет директора не представлялся им местом, которым пугают провинившихся учеников. Да и директор, грозивший обычно за провинность каким-то непонятным исключением из школы или самым страшным наказанием – вызовом родителей в школу, оказался вдруг добрым и милейшим человеком.

– А, ребята! – директор совсем не удивился их появлению, а как опытный учитель, даже ждал, когда они зайдут к нему. – Наверное, не терпится узнать судьбу несчастной?

Мальчишки утвердительно кивнули головами.

– Хорошо, друзья! Я обо всём узнаю и скажу вам. Обязательно.

Через несколько дней во время урока дверь неожиданно распахнулась, и в класс решительно вошли директор школы и тот молодой врач, который приезжал на скорой.

– Здравствуйте, ребята! К нам приехал врач. Он работает на нашей городской станции скорой медицинской помощи. Его зовут Леонид Борисович.

Врач, как это делается перед серьёзной аудиторией, слегка поклонился.

– Леонид Борисович приезжал к нам по нашему вызову, – продолжал Михаил Сергеевич, – и спасал женщину, которую случайно нашли ребята из вашего класса на берегу реки. Вася и Дима, идите сюда, – пригласил директор, показывая место рядом с собою.

Мальчишки вылезли из-за парт. Класс заплодировал, когда Леонид Борисович пожал Димке и Ваське, как партнёрам, руки. И если Димка воспринимал происходившее спокойно, то Васька вдруг разволновался. Его лицо стало красным от смущения. Впервые за всё время обучения в школе, длившееся без малого два года, его поставили перед лицом класса не отчитывать за очередную шалость, а хвалить. И это делало Ваську героем в собственных глазах. А, может, и не только в собственных.

– Беда настигает человека неожиданно, – начал врач. – Спасённая нами женщина сейчас находится пока в реанимационном отделении и, к сожалению, не может рассказать, что заставило её выйти на лёд, как она провалилась. Ребята из вашего класса, Дима и Вася, увидев её, не испугались, как это часто бывает с детишками, а сразу же, не теряя времени, побежали к директору школы. Они помнили, что только у него есть телефон, с которого можно вызвать скорую помощь. Больше в школе ни у кого телефона нет. Чаще всего мы не знаем, когда утонул человек, и сколько времени он пробыл в ледяной воде. Поэтому, делать искусственное дыхание и пытаться запустить сердце следует долго. Очень долго. Даже, если вы совсем выбились из сил, пусть вам поможет хотя бы случайный прохожий. Ребята, я вам сейчас скажу несколько удивительных цифр, а вы постарайтесь запомнить их: если человек захлебнулся в ледяной воде и пробыл в ней два часа, то вероятность оживить его составляет чуть более пятидесяти процентов. Может быть, вы не очень разбираетесь пока в процентах, тогда я скажу по-другому. Так вот, иными словами, если в такое положение попало сто человек, то спасти можно более пятидесяти человек. Если же, к примеру, человек пробыл в ледяной воде двенадцать часов, то вероятность оживить его составляет десять процентов. Кто из вас скажет, сколько это, если в беду, допустим, попали сто человек?

– Десять, – дружно ответил класс.

– Правильно, молодцы, – похвалил доктор. – Известен случай, когда врачам удалось оживить человека, который был подо льдом двадцать четыре часа. Давайте, ребята, дружно поблагодарим Диму и Васю за то, что они спасли человека!

– Спасибо! – хором сказал класс...

– Видимо, эмоции тогда у меня перехлёстывали через край, раз я запомнил эти цифры на всю жизнь, – задумчиво произнёс Ракитский. – А вообще-то, если покопаться в прошлом, то этот случай из школьных лет, пожалуй, не единственный в моей жизни, произошедший со мною тринадцатого числа. Только теперь в феврале...

* * *

Так уж сложилось, что в природной полосе московского региона после ноябрьской и декабрьской темени и брожения атмосферы, обычно в конце января – начале февраля вместе с морозами появляется солнце. Не удивительно, что вся летающая братия, заждавшись хорошей погоды, начинает нетерпеливо потирать руки в предвкушении полётов.

Так же было всё и на площадке, приспособленной под небольшой аэродром, рядом с домом Ракитского. В свою очередь, дом Ракитского располагался на берегу Москвы-реки, и Москва-река отделяла его от Бронниц.

Вдоль реки торчали вышки высоковольтной линии электропередачи, поэтому, чтобы зайти и сесть на аэродром этим курсом, требовалось «поднырнуть» под провода, перелететь реку, и постаравшись не уткнуться колёсами в обрывистый глинистый бережок высотой около метра, не далее, чем через несколько метров коснуться взлётной полосы. Столь суровые условия посадки бескомпромиссно диктовались тем, что короткая взлётная полоса другим своим торцом упиралась в насыпь автомобильной дороги.

Немудрено, что хозяин, пилотировавший самолёт-амфибию, вынужден был во избежание ещё больших неприятностей крепко «приложить» её на посадке, в результате чего от амфибии отлетела, прихватив за собой внушительный кусок борта, левая стойка шасси.

Самолёт некоторое время лежал, поджидая ремонта, рядом с сараем, пока, наконец, удалось договориться с ребятами из Хотьково. Они, как высококлассные специалисты, восстановили стеклопластиковый борт и поставили на место стойку.

Самолёт поставили на лыжи и теперь по традиции, принятой в авиации, его следовало «облетать».

– Дмитрий Александрович, может, слетаешь? – ходил за Ракитским хозяин самолёта, прекрасно зная, что Ракитский скоро сдастся, раз запросто ввязывается в такие мероприятия.

– Ну, что ж, готовь самолёт, я пойду, переоденусь, а то замёрзну. Там, – Ракитский показал вверх, – ещё холоднее. Да и парашют возьму, пожалуй.

– У меня на самолёте полёт с парашютом не предусмотрен. Там с парашютом в кресло не сядешь. Они такие, как в легковом автомобиле.

– Ничего, парашют небольшой, крепится на спине. Я с ним на планёрах летаю, – пояснил Ракитский.

Но как ни пытался Ракитский устроиться на сиденьи с парашютом за спиной, у него ничего не получалось. Парашют мешал, и Ракитский снял его и положил на снег рядом с лыжей самолёта.

– Вообще-то, на самолёте должна стоять спассистема, но на неё пока нет денег, – оправдывался хозяин.

На взлёте, едва самолёт миновал кольцевую автодорогу, правый двигатель неожиданно заглох, и самолёт в такой конфигурации, как это бывает при парашютировании, «посыпался» на трубу котельной. Ракитскому сразу же стало, мягко скажем, не холодно и где-то там, ниже пояса, возникло ощущение, что он вот-вот нанижется на эту трубу, как на шампур.

Но мотор после того, как заставил пилота согреться, заработал так же неожиданно, как и заглох перед этим, и Ракитский сделал для себя вывод, что это не критично, это поток от винта левого мотора оказывает влияние на правый мотор, в результате чего карбюратор правого мотора «замерзает». Но как только мотор глохнет, воздушные потоки под капотом теряют свою интенсивность, и карбюратор отогревается, открывая бензину проходные сечения в жиклёрах. Набегающий поток воздуха постоянно вращает винт, и мотор запускается.

После того, как с мотором произошло такое два-три раза, Ракитский решил, что это закономерность, и перестал обращать внимание на это досадное явление, так безотказно взбадривающее пилота.

Но, видимо, у этого самолёта в запасе имелся неисчерпаемый запас сюрпризов. Едва Ракитский махнул рукою на неполадки с мотором, как самолёт вновь заставил его согреться, на сей раз до пота – самолёт резко клюнул носом, намекая на то, что немедленно переходит в пикирование. Ракитский осмотрелся в поисках причины такого явления и с большим удивлением обнаружил, что из-за ошибки при установке лыжи развернулись носками вниз и встали перпендикулярно направлению полёта.

Стало понятно, что при таком положении лыж удержать самолёт в полёте можно только на минимальной скорости, практически равной скорости сваливания в штопор.

Сразу же появилась мысль – послать всё к чёрту, открыть фонарь кабины, выбраться из неё, да и сигануть.

Но Ракитский вовремя вспомнил, что перед взлётом снял парашют. Поэтому, тут же в утешение появилась и другая мысль – какой нормальный человек выпрыгнет из пока ещё нормально летящего летательного аппарата. А парашютик был совсем маленький, с большой вертикальной скоростью снижения. В лучшем случае, ноги переломаешь, а то и совсем гробанёшься, внизу-то вон, сколько всего понастроено. Одна ЛЭП чего стоит, сразу в обугленную головешку превратишься. Да и неизвестно, куда упадёт эта штукавина, пока ещё называемая самолётом, которая, как только её покинет пилот, станет обыкновенным неодушевлённым предметом.

Ракитский представил, какой вой поднимется в газетах, как расшумится радио и телевидение! Вот, летать не умеют, а всё туда же! А если и пытаются летать, то на таких аппаратах, которые и в воздух выпускать нельзя. И вообще, дай им волю, они и на Кремль полетят, а там – до таракта недалеко. Куда смотрит Министерство транспорта? Запретить, и немедленно! И вообще, арестовать их всех, да пересажать! И впредь никого не пушать!

Но раз прыжок с парашютом пока откладывается, а сажать самолёт с лыжами в таком положении немислимо, то необходимо придумать что-то неординарное, чтоб на посадке не разбить машину и не убиться самому.

Для того, чтобы выиграть время для обдумывания и принятия решения, необходимо для начала набрать высоту, хотя бы тысячу метров. Это следует выполнить на минимально возможной скорости, чтобы сделать силы, затягивающие самолёт в пикирование, минимальными. А то ведь и руля высоты может нехватить для удержания машины в воздухе.

И Ракитский, выпустив закрылки и убавив обороты моторам, приступил, удерживая самолёт на минимальной скорости, к выполнению этой задачи.

Самолёт медленно набирал высоту, хотя и дрожал, как живое существо, предупреждая лётчика о том, что находится перед сваливанием в штопор.

Забравшись на тысячу метров, Ракитский две-три секунды не предпринимал никаких действий, набираясь решимости перед тем, как открыть створку фонаря кабины и зафиксировать её в таком положении обыкновенным крючком, подвешенным на подмоторной раме. И в этом его можно понять: на земле в тот день резвился мороз в пятнадцать градусов. Если верить тому, как учат при первом знакомстве с аэродинамикой, что температура воздуха с каждой сотней метров высоты падает на один градус, то за бортом Ракитского поджидали мороз не менее, чем в двадцать пять градусов да ветер со скоростью не менее двадцати пяти метров в секунду. А у него даже перчаток на руках не было.

Но судьба Ракитского измерялась теперь на этом самолёте количеством бензина в баках, и моторы с каждым оборотом винтов неумолимо убавляли время, отведенное для выхода из создавшегося положения. Данное обстоятельство торопило с принятием решений и всячески подталкивало к действию. И Ракитскому ничего не оставалось, как откинуть и зафиксировать створку фонаря кабины.

Стараясь не делать резких движений, опасаясь прикоснуться к рычажкам управления моторами, которые установлены не в кабине, а на торце борта, прилегающем к фонарю, зажав ручку управления голеньями и икрами ног, он перевесился через левый борт. Прислушиваясь к поведению машины, ерзая на сиденье, чтобы подвинуть ручку управления, зажатую ногами, то в сторону приборной доски, то в сторону сиденья, и этим удержать скорость неизменной, ему удалось нажать левой рукою пятаку лыжи вниз и, ухватившись правой рукой за серьгу на носке лыжи, развернуть её.

Проделать то же самое с правой лыжей оказалось намного сложнее, так как для этого пришлось перебраться на правое кресло. И вновь пришлось открывать створку фонаря, вновь пришлось удерживать коленями и голеньями ручку управления.

И ему удалось развернуть и правую лыжу в нужное положение.

Но в какой-то момент невольным движением ручки управления (он ведь управлял самолётом, удерживая ручку коленями ног!) увеличилась скорость самолета, что тут же привело к развороту левой лыжи. И Ракитскому вновь пришлось открывать левую створку фонаря кабины и вновь перевешиваться за борт, чтобы развернуть левую лыжу.

Ракитский забрался в кабину, привычно поставил ноги на педали управления рулём поворота, взял правой рукой ручку управления и взглянул на часы. Прошло всего три минуты, а там, за бортом, эти минуты казались вечностью. И не только потому, что долго возился с лыжами и замерз. Постоянная мысль, что на этом самолете бензобаки, установленные в крыльях, длинные и плоские, подхлестывала его. При крене самолета бензин из бака, находящегося со сто-

роны крена, не забирался, и мотор работал на бензине из расходного бачка. Это ограничивало время крена в одну сторону, так как мотор, выработав бензин из расходного бачка, мог заглохнуть.

Ракитский, взяв ручку управления «на себя» и движениями ног удерживая самолет от сваливания, перевёл его в режим парашютирования, чтобы у самой земли, за полметра до соприкосновения лыж со снегом, «дать газу» и приземлить его...

* * *

– Как тут не обращать внимания на тринадцатое число? – удивился Анпилов. – Столько событий! Хорошо, что напрямую не коснулись нас. Поневоле станешь суеверным.

Анпилов задумался и, помолчав немного, попробовал перевести разговор на другую тему:

– Дмитрий Александрович, слышал я, что вам довелось на Ми-1 полетать.

– Не только довелось, – усмехнулся Ракитский. – Я на нём пилотировать вертолёт научился. Между прочим, без посторонней помощи.

– Ни на каком вертолёте не летали и вот так, сразу, сели на Ми-1 и полетели? – удивился Анпилов. – Я с вашей помощью учусь, и то вытворяю иногда такое, что позже, когда анализируешь полёт, становится не по себе.

– Вообще-то, до того, как попробовать на Ми-1, я освоил автожир. Мой друг Шумейко приобрёл американский автожир, и я на нём начал летать. Даже у себя, в Бронницах, пролетел несколько раз под мостом через Москву-реку.

– Мне кажется, что в наше время начинает ощущать себя Валерием Павловичем Чкаловым чуть ли не каждый курсант, – сказал Анпилов. – Только почувствует, что перо начало появляться, и тут же под мост. Но то на самолёте. А вот, чтобы на автожире, такое слышу впервые. Не зря о вас молва ходит, как о выдающемся пилоте. Я как-то заезжал в Алферьево, наблюдал, как вы летали на «Бланике». Вроде бы учебный планёр, а выглядело классно! Вы тогда выполнили на планёре проход над взлётной полосой аэродрома на высоте полутора метров с предельной скоростью. Все зрители, оглянувшись на звук, искали глазами реактивный самолёт. Но это был планёр, и все залюбовались, как он с шумом реактивного истребителя взмыл вверх и плавно, с непередаваемым изяществом, заложил вираж, чтобы, прокатившись по аэродрому, остановиться единственным колесом точно на бетонном пятчке своей стоянки. Мне тогда же рассказали ребята, как вы выпарили на планёре «Бланик», чувствуя едва ощутимый восходящий поток воздуха, с высоты пятидесяти метров до полутора тысяч, крутанув планёр на высоте семьсот метров, где начинался уверенный «термик», в перевернутое положение. Так что, Дмитрий Александрович, о вас ходят легенды.

– То, что ты видел в Алферьево, это просто, – спокойно заметил Ракитский. – В Жуковском на авиасалоне пришлось делать кое что посложнее. У Миши Баканова чуть ли не самый большой и грузоподёмный тепловой аэростат. К нему-то мы и подвешивали одноместный планёр, он первоначально назывался «Россия». Его спроектировали и сделали в мастерской Владимира Егоровича Фёдорова. Не слышал о таком конструкторе?

– Нет, к сожалению, не знаю такого, – признался Анпилов.

– А жаль. Талантливый человек, жаль только, что попал в такое время, когда стране таланты не нужны. Сейчас в почёте ларёчники, да ещё киллеры. Так вот, на этом аэростате и поднимали планёр, прицепленный снизу к корзине. На высоте 300 метров Баканов подавал мне сигнал готовности, а я сидел в кабине планёра.

Я закрывал фонарь кабины, нажимал рычаг отцепки, специальный замок, установленный на центроплане планёра, открывался, и я тут же переводил планёр в пикирование. Примерно в метре от земли я выводил планёр из пикирования, выполнял поворот на горке с выходом на вертикаль в направлении корзины, от которой только что отцепился. Бывало, на скорости

двести километров в час мне с трудом удавалось увернуться от корзины, до которой оставалось не более тридцати метров. А на Ми-1...

* * *

Чёрный, сияющий новой краской, джип «Гранд Чероки» подъехал прямо к крыльцу недостроенного дома в солнечный летний день. Ракитский, прервав работу, оглянулся на шум машины и молча наблюдал, как из неё неспешно выбирается коренастый мужик в расписной майке и цветных, будто пошитых из ситца, шортах. Свободный крой делал шорты чем-то похожими на «семейные» трусы и, они, вопреки своему названию, были достаточно длинными, чтобы прикрыть ноги незнакомого и неожиданного гостя до колен. Из шорт упирались в землю короткие, кривоватые, с развитыми мышцами на икрах, ноги, всунутые в домашние шлёпанцы.

– Вы Дмитрий Александрович Ракитский? – спросил уверенным тоном незнакомец.

Ракитский утвердительно кивнул.

– Привет, – приезжий протянул руку для знакомства. – Вас рекомендовали мне друзья, как хорошего пилота.

В то время, как глаза Дмитрия Александровича независимо от него бесцеремонно изучали многочисленные и выразительные, явно со скрытым смыслом, наколки на плечах и груди нового знакомого, брови Ракитского самопроизвольно ползли вверх от удивления. До такой степени не вязался внешний облик приехавшего человека с интересом к авиации.

– Что, интересно? – спросил мужик. – Да ты не обращай внимания на эту живопись. Грехи молодости. Когда-то грабанили магазинчик, а сторож, дурак, шухер поднял. Верещал на всю округу, как будто свой сарай защищал. Вот и пришлось намять ему бока. Его потом еле-еле в больнице откачали.

– А что могут означать эти татуировки? – не удержался Ракитский.

– Эта, – мужик ткнул пальцем в изображение розы на плече, – эта первая у меня. Говорит о том, что совершеннолетие я встретил в колонии. А вот эта, – Ракитский перевёл взгляд на выколотый на груди горящий крест с колючей проволокой – «веруй в бога, а не в коммунизм». Ну, и так далее.

– Выходит, ты, находясь в тюрьме, переквалифицировался из обычного грабителя в идейного борца с режимом?

– Выходит, – согласился мужик. – Там в какую компашку попадёшь. – Вместе с рядовыми продавцами гастрономов и универмагов, вокруг меня были и воры в законе, и политические. А это мужики интеллигентные, их деятельной натуре не давала развернуться советская власть. А теперь – живи, не хочу! Я, к примеру, вернулся год назад из Пермской области, там за Губахой, в самой глуши мой лагерь, ребята сразу же отстегнули маленько денег из «общака» на поддержку штанов. Теперь у меня, как видишь, машина нормальная, дом тоже достраиваю. Дом у меня, пожалуй, шикарней твоего будет.

Мужик, задрав голову, с открытым ртом разглядывал дом.

Ракитский обратил внимание на тронутые цингой зубы Юрика и тут же придумал ему прозвище «Зубастик».

– А ты прямо в чистом поле дом ставишь, – удивился Зубастик. – Не то, что сосед. Я вначале к его дому подъехал. У него там за забором усадьбу целая стая ротвейлеров охраняет. Злятся так, что готовы железный забор зубами перегрызть. Видать, зажиточный мужик обосновался. Не то, что ты.

Зубастик на мгновение задумался:

– Я чего к тебе приехал! – вспомнил он. – Я вертолёт себе купил. Хочу летать научиться. Всю жизнь мечтал. Даже там, в лагере. Присядешь отдохнуть, и думаешь: «Эх, сейчас бы вертолёт. Прыгнул бы в него с друзьями, и на волю». Да ещё как представляю – вертухаи злые,

совсем, как ротвейлеры у твоего соседа, из автоматов херачат, да всё в молоко, так сердце аж заходится от радости! Думаю, освобожусь, сразу вертолёт куплю.

Ракитский, не перестававший удивляться рассказу Зубастика, спросил заинтересованно:

– Какой вертолёт-то купил?

– Доисторический. Ми-1.

– Ух, ты! – восторженно воскликнул Ракитский. – Где же ты его откопал? Ресурс у него какой-нибудь остался?

– По формуляру часов сто по мотору осталось. Но это если верить формуляру. Нашёл я пару месяцев тому назад двух дедков, они работали техниками на Ми-1 по молодости лет. Вот они-то и привели машину в лётное состояние. Я тебя обязательно с ним познакомлю.

– Добро, – согласился Ракитский. – Попробуем порулить вертолётком. Вообще-то, до этого мне управлять вертолетом не приходилось. Из экзотики я летал только на автожире. Давай адрес, куда подъехать. В субботу к середине дня буду у тебя.

Ми-1 стоял в дальнем углу огорода.

– Это чтобы меньше треска доносилось на единственную деревенскую улицу, – пояснили технари, возившиеся с двигателем вертолёта. – Нам сказали, что ты должен подъехать, вот мы его и готовим к полёту.

– Как вас величать? – поинтересовался Ракитский.

– Меня Николаем. Можно просто Колей, – один из техников взглянул на Ракитского.

А это Виктор.

– Нет, я без отчества не смогу, – смутился Ракитский. – Сами понимаете, большая возрастная дистанция.

– Тогда к вашим услугам Николай Никифорович Виноградов, – тот, кто назвался Колей, ткнул себя пальцем в грудь, – а это мой старый друган Виктор Аркадьевич Вороньков.

– А ты на таком летал? – поинтересовался у Ракитского Вороньков.

– Нет, не приходилось, – Ракитский не стал распространяться, что вообще не летал на вертолётах. – Рассчитываю, что вы расскажете о режимах двигателя и что знаете об особенностях пилотирования.

– А ты с какими движками имел дело до этого? – Вороньков принялся вытирать ветошью руки.

– С Ивченковскими. АИ-14 и М-14.

– Понятно, – сказал Никифорович. – На этой машине стоит АИ-26, тоже воздушного охлаждения и с радиальным расположением цилиндров. Только «горшков» у него не девять, а семь. Но моща в два раз больше. Порядка пятьсот шестидесяти сил. А в остальном то же самое, и запускается воздухом, вон, видишь баллончик. Правда, маловат. Раньше, бывало, если ребята куда-то летят с ночёвкой или длительной стоянкой с выключением мотора, всегда брали с собой запасной баллон. Иначе, можно было в такой глуши застрять, что и не найдут, даже если хорошо искать будут. Раньше ведь всяких там жипиэсов не было, точные координаты не укажешь.

– У него есть «проходные» обороты, – Вороньков назвал несколько цифр. – Их надо проходить быстро, не останавливаясь, – обрадовал Ракитского Вороньков. – Лопасты на нём, я смотрел, последних серий, с сотовым наполнителем. Так что, ещё послужат.

– Понятно, – подтвердил Ракитский, что усваивает то, о чём говорит ему техники. – Хорошо, что вы рассказываете мне о таких тонкостях. Очень серьёзные вещи, не зная которых можно запросто попасть в историю ещё в первом полёте.

А техники действительно говорили очень и очень важные вещи, не зная которых можно было бы попасть в историю прямо здесь, в углу огорода, даже не испытав счастья полёта.

– Лётчики на нём практически не рулили, потому что он с большой охотой входит в «земной резонанс». Ты, сынок, что-нибудь слышал о «земном резонансе»? – поинтересовался Виноградов.

Ракитский утвердительно кивнул. Но Виноградов всё же решил подстраховаться, уж очень важно ему удостовериться, действительно ли Ракитский понимает, о чём идёт речь:

– Это когда машина вывешивается и её масса становится практически равной подъёмной силе. Штоки амортизаторов при этом выходят на всю длину хода. Появляется жёсткая связь между вертолётom и землёй. Нагрузка на амортизаторы небольшая и, поэтому, недостаточная для того, чтобы задействовать их демпфирующие свойства. Если машина стоит на месте, то проблем нет, но если она начнёт взлетать по-самолётному и вертолёт начнёт катиться, то не дай Бог ему наткнуться о какое-нибудь, пусть и небольшое препятствие. К примеру, колесо упрётся в кочку или попадёт в небольшую ямку. Даже несильный удар создаст большую проблему. Вал несущего винта на мгновение отклоняется, ось вращения ушла на доли миллиметра, а центр тяжести всей вращающейся системы остался на месте. Частота возникших колебаний близка к частоте собственных колебаний фюзеляжа. И фюзеляж входит в резонанс. Доля секунды, и вертушка рассыпается. И почему-то всегда вместе с пилотами.

Ракитскому странно слышать от дедков такое грамотное, почти научное толкование явления «земного резонанса». Ракитский даже оглядывает их недоверчиво с головы до ног.

– Что такое? – усмехнулся Вороньков. – Смотришь, не обросли ли мы мхом с северной стороны? Нет, не обросли пока ещё. В общем, обрати на это самое серьёзное внимание. Взлетай сразу же так, чтобы от колёс до земли было не меньше метра. Для гарантии. И последнее, хотя в авиации слово «последнее» не любят. Ми-1 очень не любит взлёта с боковым ветром. Его может начать крутить относительно несущего винта, и ты ничего не сможешь сделать, чтобы парировать это вращение. Поэтому, взлетай строго против ветра. Откуда он у нас сегодня?

Ракитский сорвал несколько стеблей полувысохшей травы и подбросил их вверх.

– Хреново, – констатировал Никифорович. – Вот, как раз и хозяин подошёл. Давайте, попробуем развернуть его вручную. Прямо на дом надо будет взлетать.

Ракитский забрался в кабину. Осмотрел приборную панель. Всё привычно, почти как в самолёте.

– И я с тобой, – пожелал Зубастик.

– Давай, лучше я вначале летаю сам, а потом с тобою, – сказал Ракитский и попросил жестом отойти подальше от вертолётa и технарей, и Зубастика.

– Что, волнуешься? – спросил Никифорович Зубастика.

Зубастик в знак чистосердечного признания согласно кивнул.

– Да ты не бойся! Раз человек взялся, значит, у него есть уверенность, – подбодрил Вороньков. И чтобы как-то отвлечь Зубастика от переживаний, сказал:

– Стоят две женщины, наблюдают, как взлетает вертолёт. Одна из них спрашивает другую:

– Скажи, а зачем вертолёту такой большой винт?

– Это чтобы лётчику не было жарко.

– Да не может такого быть, – не поверила собеседница.

– Как не может быть? Я сама видела: как только винт остановился, лётчик сразу мокрый от пота стал!

Сжатый воздух из баллона с необычными звуками, то напоминавшими иногда мучительный стон, то скрип открываемой двери с проржавевшими петлями, плавно раскачивая вертолёт, раскручивал вал мотора. Наконец, мотор, огласив округу громким выхлопом, выбросил голубое облако и устойчиво заработал на малых оборотах. Лопасты несущего винта с шумом полетели над головой.

Ракитский не стал закрывать левую дверь, и зрители с почтительного расстояния могли наблюдать, как он плавно потянул вверх рычаг шаг-газа.

Вертолёт, раскачиваясь, завис на несколько секунд, наклонил нос и неожиданно ринулся прямо на дом Зубастика. В этот момент он чем-то напомнил разъярённого быка на испанской корриде, несущегося на невозмутимо стоявшего тореадора. Антенна, наклонённая вперёд над кабиной, только усиливала это сходство. При этом, вертолёт едва не зацепил передним колесом грядку на огороде, проскочив буквально в одном сантиметре от «земного резонанса».

Это обстоятельство моментально вышибло испарину на лбу Никифоровича, перед глазами которого тут же нарисовалась картина вертолёта, разлетающегося на мелкие фрагменты. Лет сорок тому назад он насмотрелся таких сцен, и они запомнились ему на всю жизнь.

В наше время Никифорович, получив возможность ознакомиться с неограниченным количеством американских фильмов, называл теперь катастрофы одним ёмким словом: «Голливуд».

Вертолёт почему-то не набирал высоту, и деревенский дом Зубастика от прямого попадания в него вертолётном спасло только то, что между ним и сараем оказалось достаточное расстояние, чтобы Ми-1 проскочил в этот зазор.

Поднимая дорожную пыль, а вместе с нею и кур, разомлевших в ней в этот летний жаркий день, Ми-1 развернулся вдоль деревенской улицы. Куры, поднятые воздушным потоком от несущего винта, панически махали крыльями, пытаясь удержаться в воздухе. Но, падали, кувыркались, и, едва очнувшись, бросались в ближайшие подворотни спасать свои почти ничемные жизни.

– Да, не зря говорят, что курочка не птичка, – философски заметил Никифорович.

– А ещё говорят: медичка не девичка, а первокурсник в Московском авиационном институте не студент, а козерог, – добавил Вороньков.

Вертолёт же, заявив о себе таким решительным образом, взмыл, наконец, над деревенской улицей и полетел за околицу в сторону ближайшего поля.

– Он ведь ни разу не летал на вертолёте, а вот так, сел да и полетел – восторженно сказал Зубастик.

– Этого не может быть! Как же ты додумался позвать его? – Вороньков с удивлением взглянул на Зубастика. – А вообще-то, Дмитрий Александрович, по всему виду, смелый мужик! Просто приспособлен летать. Теперь уж точно вернёт машину в целости. Сейчас над полянкой потренируется, и обязательно вернёт.

Тем временем, вертолёт, повисев и покрутившись над полем, медленно, словно опасаясь задеть забор хвостовым винтом, возвратился на своё место в огороде, завис на секунду и стал снижаться. Но едва его колёса коснулись земли, его мотор перестал работать, и только отдельные вспышки от калильного зажигания рывками, сотрясая вертолёт, гнали несущий винт.

Ракитский выскочил из кабины и, отбежав на несколько шагов, обернулся, чтобы посмотреть, что случилось с вертолётном.

– Ты чего выскочил, словно тебе кипятком в штаны брызнули? – спросил Никифорович.

Ракитский протянул к нему левую руку ладонью вверх. На всю ладонь расплзся синяк:

– Я поймал «земной резонанс»! Едва колёса коснулись земли, вертолёт трянуло так, будто на полной скорости телега влетела на бульжную мостовую. Аж в ушах мокро стало. Приборы все расплылись. Монетку выключения магнето пришлось с силой прижать ладонью и повернуть. Иначе её было не поймать. Ладонь, конечно, чуть не оторвало. Но вертолёт, похоже, выдержал!

Технари смотрели на Ракитского широко раскрытыми глазами.

– Ты молодец, что сразу вырубил движок, – словно очнулся Виноградов. – Во время. Его, – кивнул он в сторону вертолёта, – не успело разнести.

– Интересно, а почему так произошло? Что стало причиной «земного резонанса»? Ты ведь садился не по-самолётному, – удивился Вороньков.

– По-моему, всё очень просто. Вертолёт стоял лет, может быть, восемь, или десять без движения. Глицерин, что входит в состав «ликёра шасси», залитого в амортизаторы, превратился за это время, наверное, в сахар. «Гистерезис амортизаторов, сильно изменился. То есть, изменились характеристики работы шасси. Это и стало причиной, – решил Ракитский. – Так что, придётся вам к моему следующему приезду промыть амортизаторы и заправить свежую АМГ-10.

– Жаль, что мне не пришлось сегодня подлетнуть, – сокрушался Зубастик.

– Да, ещё, – добавил Ракитский. – Вертолёт висит только у самой земли. Такое впечатление, что движок не додаёт мощности.

– Вот, оказывается, почему ты едва в дом не въехал! – понял Виноградов. – Ладно, посмотрим, в чём дело. Может быть, тяги от ручки шаг-газа подрегулируем. До встречи через недельку.

– Всё сделали, – сказал Зубастик Ракитскому, приехавшему на полёты через неделю.

– Удивительно, как раньше качественно клепали, ни одна заклёпка не прослаблена, – Виноградов похлопал рукою по фюзеляжу вертолёта. – Амортизаторы промыли, жидкость заменили, накачали до нормы. Тяги на несущий винт проверили, но регулировать не стали. По всему видно, что они были отрегулированы нормально и их никто после этого не трогал. А вот причину недостатка мощности обнаружить удалось, хотя и пришлось повозиться. Оказалось, что на приводе вала нагнетателя не установили шпонку, хотя сам нагнетатель поставили на место. Так что, можешь пробовать.

Вертолёт на этот раз вёл себя превосходно. Ракитский уверенно поднял его в воздух высоко над домом, полетал на поле, несколько раз завис на приличной высоте и вернулся на место, в угол огорода.

Колёса то касались земли, будто прикидывая прочность грунта, то вновь повисали в воздухе, пока, наконец, вертолёт не приземлился окончательно, решительно сжав штоки амортизаторов.

На этот раз Ракитский, не выключая двигатель, кивнул головой, приглашая Зубастика занять место в вертолёте через правую дверь.

– А ты говорил, что я напрасно позвал его! – Зубастик возбуждённо толкнул локтем Никифоровича. И закричал: – Ура! Моя мечта сбылась!...

Коннов

Коннов стоял, размышляя, у открытого окна в своём небольшом кабинете секретаря комитета комсомола.

– Надо что-то делать! Что-то придумать такое, чтобы всколыхнуть молодёжь, чтобы она стряхнула с себя безразличие и очнулась от унылой текучки, похожей на анабиоз у некоторых животных. У ребят, работающих на предприятиях, размеренный, заполненный рабочий день. Они выполняют производственные задания, и у них нет времени размышлять над философскими вопросами. Но и они работают по-разному. Одни в силу своего характера, вкалывают, другие кантуются во время работы. Лишь бы время убить. А получают одинаково.

Коннов вернулся к столу:

– Что-то в стране почти нешуточно изменилось, как только Советский Союз ввёл свои войска в Афганистан. Это были последние дни 1979 года.

Коннов вспомнил, какие тогда стояли морозы. Сорокапятиградусные! На железных дорогах от небывалого холода лопались рельсы, а над заводскими цехами трещали фермы перекрытий.

И поехали молодые ребятки прямо со школьной скамьи да на войну. Коммунистическая Партия Советского Союза во главе с верным ленинцем Леонидом Ильичём Брежневым, или, как она сама себя называет, «наша партия», говорит народу, что солдаты едут в Афганистан «выполнять интернациональный долг в составе ограниченного контингента советских войск».

В народе шепчутся: «Надо же придумать такое! Всеми миру мы чего-то должны! «Демократам» должны, и поэтому кормим, чтоб не начали бузить, как это было в Венгрии и Чехословакии. Но тут понятно, страны народной демократии – своеобразный буфер между загнивающим капитализмом и нами.

А почему арабам должны и вооружаем их до зубов, не понятно. Наверное, чтобы бы раззадорить и раздражить Америку. Так делается на бытовом уровне, если очень хочется разозлить дворового пса. Бери палку, и пихай ею в конуру. Даже самый миролюбивый пёс скоро начнёт огрызаться. А ведь арабы только и умеют, что торговать. И как только Израиль поднажмёт, бросают танки с полными баками горючего и полным боекомплектом и удирают босиком по пустыне в сторону Египта. А ведь арабы только и умеют, что торговать. И как только Израиль поднажмёт, бросают танки с полными баками солянки и полным боекомплектом и удирают босиком по пустыне в сторону Египта. Нашли арабы, с кем воевать! С евреями! С высокоинтеллектуальной нацией!

И негров кормим, и свои республики кормим, особенно южные. А теперь ещё один долг, интернациональный! И ограниченный контингент! Надо же придумать такое! Кто его ограничил? Каким числом ограничил? Сегодня одним числом ограничили, а завтра захотят, и ограничат другим числом. И поедут туда на убой мальчишки прямо от мамкиной титьки.

Сталина не ругает сейчас только ленивый, а Сталин посылал воевать в Испанию или в Китай добровольцев из военных училищ. И правильно делал. Раз ты учишься в военном училище, значит, решил посвятить себя службе в армии. А чтобы продвигаться по службе, пожалуйста, поезжай, набирайся опыта, понюхай порошу. Может быть, дослужишься до генерала. Конечно, если останешься в живых.

А теперешнее руководство страной отыгрывается на тех, у кого нет возможности «откосить» от службы в армии. Это, чаще всего, дети простых рабочих, инженеров и крестьян. Тех бесхитростных людей, которые создают своими руками мощь и величие страны.

Русские матери, лишившись единственной радости и потеряв смысл жизни, никому больше не нужны и забытые той властью, которая отобрала у них самое дорогое – их ребёнка, остаются один на один со своим безмерным горем. Такое не спрячешь!

При этом, вся страна в условиях чётко дозированной информации, проводимой руководством, делает вид, что не замечает войны.

Воротилы подпольного бизнеса и подпольных цехов так же, как и до войны, прокучивают в шикарных ресторанах целые состояния. В Кремлёвском Дворце по-прежнему проходят хорошо отрежиссированные съезды партии и комсомола с последующей раздачей бесплатных подарков их участникам. Так же, как до войны, гремят концерты звёзд эстрады. Девочки так же, как и до войны, любят мальчиков. Разумеется, тех, кто не попал в Афганистан. Так же, как и до войны, национальные окраины паразитируют на России, в результате чего жизненный уровень в деревнях центральной части страны, порождая пьянство и укрепляя в народе чувство безысходности, оказался на том же уровне, каким был во времена крепостного права.

Грузины-перекупщики, прикрыв лица кепками, у которых размеры козырьков соперничают с размерами лётных полей аэродромов, властвуют на колхозных рынках, торгуя зеленью и мандаринами. Хотя не имеют к колхозам никакого отношения. Деньги грузины запихивают в карманы штанов, и когда требуется дать сдачу, из штанов вынимается мятый, перепутанный комок банкнот, вызывающий зависть у русского покупателя, заложившего свою жизнь за копейки на вахту у доменной печи или литейном цехе. И не только зависть, но и ненависть. Потому, что рабочий тяжёлым, изматывающим трудом за месяц не заработает столько денег, сколько на базаре выручает торговлей укропом пышущий здоровьем представитель «маленького, но гордого народа». Какой он гордый? Паразитирует на России.

Грустные размышления Коннова прервал инструктор:

– Здравствуй, Володя! Вернулся из отпуска. Заглянул к тебе, чтобы рассказать забавный случай.

– Да? Давай, рассказывай, – подбодрил его Коннов.

– Ты знаешь, ещё Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, будучи Первым секретарём Компартии Грузии, запретил жителям вывозить за пределы республики мандарины до тех пор, пока республика не выполнит план продажи этих цитрусовых государству. Вот, еду я на электричке из Гагры в Сочи и наблюдаю такую картину: грузин, вошедший в поезд в Гаграх, ставит в проход между рядами сидений футляр с аккордеоном или баяном. Сам садится на лавку у окна с таким выражением, будто он не имеет к аккордеону никакого отношения, и начинает любоваться живописным черноморским побережьем. В вагон заходит милиционер, тоже грузин, исполняющий указание своего Первого секретаря. Милиционер подходит к футляру и со страшным акцентом спрашивает:

– Чей аккордеон?

В вагоне молчание, хотя все с интересом наблюдают за происходящим.

Милиционер, которому надоело молчание, спрашивает, обращаясь теперь персонально к грузину:

– Твой аккордеон?

Грузин делает вид, что с трудом отрывается от созерцания пейзажа и заявляет под хохот попутчиков:

– Нэ играю!

– Представляешь, милиционер открывает футляр, а там вместо музыкального инструмента мандарины, – со смехом заканчивает рассказ инструктор.

Коннов натянуто улыбнулся, слишком уж укладывался в грустный контекст размышлений весёлый рассказ инструктора.

Инструктор изучающе посмотрел на Коннова, понимая, что его байка оказалась, видимо, не ко времени, а потому и не вызвала ожидаемой реакции:

– Ладно, Володь, извини. Я пойду.

Размышления Коннова вновь вернулись к прерванной теме:

– Что-то они дружно принялись анекдоты рассказывать. Может, хотят узнать мою реакцию? А потом донести? Стукачей и информаторов везде полно! Надо быть внимательней и постоянно сдерживать себя.

Купить в магазинах основные продукты питания становится всё большей проблемой. Ребята из Подмосковья рассказывают, что жители городов, подобных Рязани, расположенных на таком же удалении от Москвы, как и она, штурмуя электрички, тысячами едут в столицу за колбасой. Народ тут же придумал загадку: «Длинная, зелёная, пахнет колбасой. Что это такое?»

Люди, не задумываясь, отвечают: «Электричка из Москвы в Рязань!»

Из областных городов, таких, как Воронеж, в Москву выполняется до десятка авиарейсов в день. На самолётах Ан-24. Над аэропортом Быково небо «кипит» от взлетающих и заходящих на посадку самолётов. Билеты на самолёт трудно достать. Такой ренессанс авиации объясняется очень просто: в цехах или отделах крупных предприятий сотрудники собирают деньги, вручают их сослуживцу, тому, чья очередь отправляться в командировку, и он летит в столицу нашей Родины за колбасой для всего родного коллектива.

Руководство страны понимает, что колхозы и совхозы не в состоянии накормить население страны. Под контролем партийных комитетов всех уровней обязали крупные предприятия направлять на работу своих сотрудников в подшефные совхозы.

Крупные заводы вынуждены направлять на сельскохозяйственные работы до четырёхсот человек в день. Со временем, это свелось к тому, что рабочие подшефных совхозов вообще перестали работать.

Из года в год дирекции совхозов ранней весной составляют планы мероприятий, в которые включаются не только работы по прополке свеклы или уборке картошки, но и асфальтирование дорог, бетонирование площадок для мойки техники, строительство и оборудование кормовых цехов, родильных отделений для коров, и многое другое.

Проекты планов мероприятий передаются в райкомы партии. Руководители крупнейших предприятий города вызываются в райкомы на совещания. На совещаниях под угрозой исключения из партии их заставляют подписывать планы мероприятий. С каждым автографом растёт сила бумаги, и, в конце концов, планы мероприятий становятся документами, которые необходимо неукоснительно выполнять.

Предприятия, особенно работающие на оборону, прячут затраты, понесённые ими на оказании крупномасштабной шефской помощи сельскому хозяйству, в себестоимости основной продукции. Причём, надзорные ведомства, такие, как ОБХСС, знают об этом, но молчат и не предпринимают никаких действий. Потому, что такова политика партии.

– Уравниловка! Рубль не работает. Казалось бы, такая простая вещь: заработал – получи рубль, не заработал – гуляй! – вслух произнёс Коннов. И тут же удивился:

– Что это я вслух сам с собой начал разговаривать?

Коннов прошёлся по кабинету, от окна до стены, обходя пару стульев, стоявших вплотную к письменному столу.

– Однако, вскоре выясняется, что принуждение промышленных предприятий к сельхозработам не даёт ожидаемого эффекта.

Поэтому, министерства заставляют подведомственные предприятия обзаводиться собственными подсобными хозяйствами.

Но дефицит продуктов питания всё равно нарастает. В некоторых городах даже талоны вводят на продукты.

– То есть, появилась завуалированная карточная система, – сформулировал Коннов.

Такая же картина с одеждой и обувью. Отечественные предприятия выпускают некачественную, немодную, грубо исполненную продукцию. Такое покупают разве что жители убогих деревень.

Городские же красавицы охотятся за вещами импортными. А поскольку этих импортных вещей на всех не хватает, то дамочки готовы переплачивать значительные суммы за желанную покупку. В универсамах импортные товары продают из-под прилавка, словно из-под полы, в два раза дороже или даже втридорога. Продавцы превратились в привилегированную касту. Их уважают и одновременно ненавидят, с ними стараются завести дружбу. Но в то же время злорадствуют, когда их за задницу берёт ОБХСС.

«Блат сильней наркома». Крылатая поговорка русского народа. В магазинах ничего нет, а в холодильниках изобилие. Всё приобретается по знакомству. Терпеливый русский народ приноравливается жить в условиях тотального дефицита.

Ну не может Госплан спланировать всё до мелочей. По-крупному может, а до мелочей нет. Вот и сложилось такое положение: для того, чтобы начать производство, грубо говоря, гвоздя, необходимо постановление Центрального комитета партии и Совета Министров страны. Да чтобы подготовить такое постановление, потребуется несколько лет! За это время мир уйдёт так далеко, что его уже не догнать никогда!

К тому же, не может страна, даже такая большая и мощная как СССР, в одиночку произвести все существующие в мире наименования товаров. Это невозможно! Весь мир, сам того не ведая, постепенно перешёл к международной кооперации.

– Что это? – опомнился вдруг Коннов. – Это значит, что плановая экономика изжила себя? Но плановая экономика и социалистический строй неразделимы! А раз так, то и социализм в том виде, в котором он сложился в СССР, изжил себя?

Коннов вдруг остановился от того, что его выводы настолько противоречат официальным постулатам, и даже осмотрелся, не прочитал ли кто-нибудь его крамольные мысли. Ведь как ни говори, а мысль всё-таки штука материальная.

Но, слава Богу, в кабинете по-прежнему он был в одиночестве.

А невесёлые мысли, нанизываясь и цепляясь одна за другую, продолжали будоражить душу:

– Несмотря на то, что на съезде партии Генеральный секретарь Брежнев несколько лет тому назад объявил, что страна вступила в эпоху развитого социализма, народ уже тогда встретил это сообщение с недоверием и без энтузиазма. Похоже, народ понял – страна в своём развитии медленно, но уверенно, движется в тупик.

Стало очевидным, что «нашей партии» несмотря на мощную пропагандистскую машину, имевшуюся в её распоряжении, за семьдесят лет, прошедших со времён Великой Октябрьской Социалистической революции, за годы великих строек, великой войны и великих репрессий так и не удалось воспитать гражданина новой формации – строителя коммунизма.

Людьми по-прежнему двигают отнюдь не возвышенные идеалы, а чувства на уровне инстинкта – стремление к наживе, стяжательство, доносительство, зависть, ну, так далее.

Как ни странно, но свою лепту в раскачивание устоев существования страны внесли Олимпийские игры.

Из Москвы за сто первый километр сослали все деклассированные элементы. По терминологии тех лет к деклассированным, то есть не входящим ни в класс крестьян, ни в класс рабочих, ни в «прослойку» между этими классами – советскую интеллигенцию, относились бродяги, попрошайки, проститутки, тунеядцы и тому подобные личности. В какие точно места их выселяли, не говорилось. Создавались ли для них какие-либо приемлемые условия жизни, неизвестно.

Жителям других областей и республик Советского Союза въезд в Москву закрыли. Жителям остальной страны разрешалось въезжать в столицу только по производственной необходимости и по специальным пропускам. Улицы города на радость москвичам непривычно опустели.

Все автомобильные дороги, ведущие в Московскую область и Москву, перекрыли. На всех дорогах на границе Московской области, а также на всех развилках, «тюльпанах» установили шлагбаумы, возле которых круглосуточно дежурила группа людей в штатском, подкреплённая представителем милиции. Даже в дождь, а лето 1980 года было на редкость дождливым, из будки, установленной при шлагбауме, выглядывал человек, читал государственный номер автомобиля, и поднимал шлагбаум без проверки документов, если номера машины были московские или Московской области.

Всех детей настоятельно рекомендовали вывезти из Москвы и области к родственникам в другие регионы страны, либо отправить в пионерские лагеря. В народ пускали слух о возможных провокациях, террористических актах, отравлении воды и продуктов.

В магазинах появилась финская колбаса салями и сервелат, нарезанные тонкими ломтиками, через которые просвечивал свет. Ломтики были упакованы порциями граммов по сто в целлофан.

Один из московских пивзаводов начал выпускать пиво «Золотое кольцо» в алюминиевых банках. В Ереване, наконец, открыли производство жевательной резинки. Дело в том, что на каком-то хоккейном матче кто-то из иностранцев кинул на трибуну несколько пластинок жевательной резинки. Сотни болельщиков кинулись за ней буквально в драку. Это спровоцировало обрушение трибуны и гибель людей.

Пепси-кола, фанты, жевательная резинка, финский сервелат будто приоткрыли москвичам форточку на «загнивающий», как утверждала в то время коммунистическая пропаганда, Запад.

Резко активизировались фарцовщики. Повсюду, где появлялись иностранцы, фарцовщики, унижая честь великой державы, какой, безусловно, ещё был Советский Союз, буквально хватали их за руки, бессовестно унижались, уговаривая выгодно продать джинсы или жвачку. Чтобы потом втридорога перепродать их своим соотечественникам.

Появились магазины «Берёзка». Для тех счастливиц, кто имел возможность выезжать за границу. Товары в «Берёзках» продавались за доллары или специальные чеки «Внешторга». Японские телевизоры, видеомагнитофоны и другие товары невероятной красоты и высочайшего качества будоражат умы обывателей, разрушая веру в то, о чём говорят вожди с высоких трибун.

Америка, по данным разведки, чтобы развалить СССР, пытается договориться с Саудовской Аравией о резком снижении цен на нефть. Если американцам удастся такой манёвр, то бюджет страны нечем будет пополнять.

Особенно бессовестно бюджет разворовывается в братских союзных республиках. Работают только Россия, Украина и Белоруссия, а тянут все остальные. Паразитируют на шее русского народа. А в итоге, русский народ оказался самым нищим.

По смоленской дороге стыдно ездить. Везде полузавалившиеся избы и люди без живого огонька в глазах.

Зато в «братских» республиках новые баи с билетами членов партии в карманах строят подпольные виллы и цехи по производству ширпотреба. Баи, стоящие во главе республик, воруют по-крупному. Те, кто руководит районами, воруют поменьше, соответственно своему статусу.

Да что там республики? А братские страны, так те вообще грабят! И сколько им ни дай, всё равно они беднее, чем западные соседи. Вот и Эрих Хоннекер приезжает послезавтра. Опять чего-нибудь просить. Правда, немцы хоть и лезут через Берлинскую стену на Запад, но всё же надёжные ребята. В шестьдесят восьмом даже наши так не «учили» чехов, как немцы.

И румыны перестали понимать без окрика. Николай Чаушеску. Голодранец, а туда же! Борец за свободу! Не зря говорят, что румын – это не национальность, а профессия.

А поляки? Сталин им половину Германии прирезал, а они всё недовольны! Даже генерал Ярузельский, этот умница, справиться не может. Ввёл в стране чрезвычайное положение, чтобы только мы не вывели на улицы танки на улицы польских городов.

Да, зашатался мир социализма. И это, к сожалению, объективно.

Теперь на обочинах всех дорог вместо верстовых столбов установлены щиты с издательским лозунгом «Экономика должна быть экономной». Надо же было какому-то умнику из политбюро додуматься до этого!

Коннов вернулся к столу:

– Надо во что бы то ни стало, найти способ заставить рубль работать! И найти такой способ как можно быстрее! Потому что даже если я найду его немедленно, сейчас, всё равно понадобится очень много времени, пока идея начнёт работать по всей стране. Интересно, что говорят старинные неотменённые документы и «Положения...»?

Коннов полистал брошюру, датированную сорок первым годом:

– Так, это о фондируемых материалах. За нецелевое использование фондируемых материалов наказание вплоть до высшей меры. Ох, ничего себе! – удивился Коннов. – Впрочем, в наше время, слава Богу, не расстреливают, но ОБХСС за жабры возьмёт крепко!

А это что? Добровольные общества и их союзы. 1932 год. Почитаем. Ага, прямо в преамбуле: Добровольные общества и их союзы, являясь организациями самодеятельности трудящихся масс города и деревни, ставят своей задачей активное участие в социалистическом строительстве СССР и содействие укреплению обороны страны.

– Похоже, это положение можно применить к современным реалиям, – подумал Коннов. – Что там дальше? А дальше вот что: Добровольные общества и их союзы проводят свою деятельность в соответствии с планами народного хозяйства...

Добровольные общества могут создавать необходимые для практического осуществления свои труды, открывать лаборатории, опытные станции, выставки, студии, мастерские...

– То, что нужно! – отметил Коннов. – И это «Положение...» не отменено? Нет, не отменено. Вот его-то и можно взять за основу. И отбиваться от обвинений во всяком там оппортунизме есть чем. А кем подписано? Ого! Самим Иосифом Виссарионовичем Сталиным!

Поскольку у нас в стране многое запрещено, как говорится, шаг влево, шаг вправо – расстрел, научно-исследовательские институты, заводы, конструкторские бюро не всегда могут выплачивать своим и приглашённым сотрудникам реально заработанные деньги за выполнение сторонних заказов. Что, если организовать такой центр, который сможет выполнять заказы предприятий, допустим, на проектирование нестандартного оборудования. Конечно, Госплан запланировал производство станков, прессов, шагающих экскаваторов и другого крупного оборудования. Но очень часто заводы нуждаются в таком оборудовании, которое в стране не выпускается. И тогда они вынуждены проектировать такое оборудование самостоятельно. И тут оказывается, что на предприятии нет таких специалистов. Завод мог бы нанять их со стороны на тот период времени, что понадобится для разработки конструкции оборудования. Но вся загвоздка в том, что предприятие не имеет права заплатить посторонним за работу. Директор предприятия в таких случаях вынужден идти на нарушение финансовой дисциплины. И тут как тут в бухгалтерии предприятия появляются сотрудники Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности: Ага! Кому заплатили зарплату выше средней по предприятию? За что? На каком основании? Как такая зарплата смотрится по области? Почему она выше, чем по стране?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.